

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата исторических наук

Шевченко Максима Михайловича

на диссертацию Лебединцева Ивана Михайловича

«Взаимоотношения славянофильского кружка и редакции журнала
«Москвитянин» в контексте идеологической и политической борьбы
николаевского царствования»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. — Отечественная история

История идейной борьбы и участия в общественно-политической жизни славянофилов и западников, история отечественной журналистики, литературы и критики изучались и изучаются у нас многократно более, чем история русской правительственной политики вообще, и — применительно ко второй четверти XIX века, в частности. И какой бы сегодня ни выглядела обширная историография «великого спора» об исторических судьбах России и Запада, в ней заметен и сейчас острый дефицит научно-исследовательского внимания к тому, как были взаимосвязаны идейная жизнь тогдашнего общества и политическая система императора Николая I. В этом отношении необходимо дальнейшее внимание историков к таким политическим фигурам, как сам император Николай Павлович, и к таким, — как С.С. Уваров, К.В. Нессельроде, С.Г. Строганов, которые, как это ни

парадоксально звучит, не входили в теснейшее политическое окружение Николая I, но в которое несомненно входил А.Х. Бенкендорф, чей исторический портрет столь же важен для понимания истории общественного движения, как и портреты трех прежденазванных личностей.

Это в целом обуславливает актуальность и научную новизну диссертационного исследования И.М. Лебедянцева, посвященного истории взаимоотношения славянофильского кружка и редакции журнала «Москвитянин» в идейном и политическом контексте эпохи.

Объект, предмет, цели, задачи, хронологические рамки диссертационного исследования ясно и логично указаны и обоснованы. Им соответствует структура работы. В центре внимания исследования закономерно оказывается динамика судьбы «Москвитянина» как одной из точек пересечения исторических конфликтов эпохи.

В историографическом обзоре диссертант закономерно сосредотачивает внимание на собственно историографических исследованиях, посвященных славянофильству. Можно здесь добавить, что, поскольку героями диссертации выступают также М.П. Погодин, С.П. Шевырев, С.С. Уваров, уместно было бы также обратить внимание на обзор, специально посвященный историческому бытованию термина «теория официальной народности». (См.: Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 4. С. 89–104.) Компилятивная брошюра Р. Пайпса об С.С. Уварове вряд ли заслуживает называться монографией. Диссертант по давней историографической традиции именует М.П. Погодина и С.П. Шевырева «представителями так называемой «теории официальной народности». (С. 18.) Этот термин был закреплен С.А. Венгеровым и А.А. Корниловым для обозначения николаевского политического консерватизма в созданной полтора года назад интерпретации А.Н. Пыпина. Тенденциозности

пыпинско-корниловской концепции не очень принято было придавать значение до тех пор, пока наука была политически, да и морально, стеснена в изучении русского политического консерватизма XIX в. – начала XX в. Ряд современных исследователей, в частности, те же, скажем, С.В. Удалов и М.М. Шевченко, чьи работы, судя по библиографическому списку, знакомы И.М. Лебедянцеву, высказывали мнение, что термин «теория официальной народности» сегодня выглядит устаревшим, так как его употребление имеет тенденцию не столько прояснять, сколько запутывать картину политической истории николаевской эпохи как одного из ярких опытов консерватизма. Консервативные концепции исторического своеобразия России профессорско-традиционалистов М.П. Погодина, С.П. Шевырева, Н.Г. Устрялова имели отличия и между собою, и от воззрений С.С. Уварова. Учесть это обстоятельство было бы, на наш взгляд, уместно. В целом же И.М. Лебедянец убедительно показывает, насколько состояние историографии темы обуславливает теперь уместность и необходимость данного специального диссертационного исследования.

Источниковая база работы достаточно репрезентативна и основательна. Она включает в себя документы официального и личного происхождения, как опубликованные, так и неопубликованные из архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Особое значение здесь имеют делопроизводственные материалы из фондов Главного управления цензуры (РГИА) и Московского цензурного комитета (ЦГАМ), которые позволяют реконструировать с ценнейшими для изучения темы подробностями цензурную историю «Москвитянина». Используются другие материалы периодической печати, публицистическое наследие, мемуары, дневники, письма эпохи, связанные с судьбами причастных к истории погодинского журнала. Привлеченный корпус источников позволяет решить поставленные в диссертационном исследовании задачи.

В первой главе рассматриваются общие обстоятельства цензурной

политики правительства эпохи Николая I, в которых приходилось действовать славянофилам и их оппонентам. Обстоятельства, обусловившие и их сотрудничество с М.П. Погодиным так или иначе на протяжении существования «Москвитянина», и их попытки выходить печатно к публике, минуя «Москвитянин» и прочие литературные журналы, посредством сборников и брошюр, как предметов менее пристального внимания цензуры. Справедливо отмечается слабость лагеря славянофилов перед западниками в том, что среди них явно не хватало профессионального журналиста подобного, например, В.Г. Белинскому.

Диссертант пользуется в работе аббревиатурой «СМИ», что применительно к данной эпохе выглядит заметной модернизацией. Семь первых по размерам тиражей русских печатных изданий 1840-х гг. все вместе имели постоянную аудиторию не более 20 тысяч читателей на, примерно, 45-миллионную страну. Крайне медленный оборот такой «массовой информации» был не последней причиной тяжеловесности и косности тогдашней цензуры.

Вторая глава посвящена подробностям истории цензурных и идеологических перипетий «Москвитянина» в ранний период его существования, когда его главным автором становится А.С. Хомяков. Судьба главных литературных журналов безусловно зависела по преимуществу от высокопоставленного покровителя, конкретно «Москвитянина» от министра народного просвещения, президента Академии наук и главы цензурного ведомства С.С. Уварова, его правительственного веса и личного доверия императора Николая I. При этом саму природу столкновений Уварова с начальником тайной полиции А.Х. Бенкендорфом, министром иностранных дел К.В. Нессельроде, попечителем Московского учебного округа С.Г. Строгановым диссертант именует то «личным соперничеством» или защитой «интересов своих ведомств», то столкновением «политических противников». Здесь можно утверждать определенно, что природа этих

трений была главным образом именно политической.

Граф Бенкендорф был системообразующей политической фигурой при императоре Николае Павловиче, далеко позади которого в этом отношении оставался Уваров. Именно Бенкендорф как никто способствовал назначению Уварова на министерский пост. Отношения их резко изменились, когда Уваров оказался твердым исполнителем воли императора к продвижению в Дерптском учебном округе в официальный обиход русского языка. Уваров создавал общероссийскую образовательную систему, которая по степени зрелости уступала немецкой образовательной традиции, но была призвана ее со временем конкурентно превзойти в русском общественном мнении. Остзейская дворянская корпорация оказывала этому упорное пассивное сопротивление, имея своим авангардом лоббистов при дворе, первым среди которых и был Бенкендорф. Уязвимее всего Уваров был именно со стороны цензуры, ибо печать была на виду у всех. Точно так же политическими были разногласия Уварова и К.В. Нессельроде, обнаружившиеся в 1842 году. Но у Уварова это была не «прославянская политическая программа», как пишет диссертант, а нечто существенно иное.

Уваров защищал идею развития русско-славянских научных и культурных связей в трениях с ведомством иностранных дел с начала 1840 гг. вплоть до революционного 1848 года при твердой поддержке императора. В 1842 году Уваров заявил К.В. Нессельроде (в духе которого высказывался и граф С.Г. Строганов), что «славизм политический», если и вреден сейчас, то создаваемая сейчас его возможная основа в виде «славизма» политически нейтрального, может послужить именно политическим интересам России в будущем, в случае нарастания антагонизмов с сопредельными империями. (См. подробнее: Шевченко М.М. Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 году: С.С. Уваров и К.В. Нессельроде // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX в. Т. 1. М., Модест Колеров, 2004. С. 29–39.)

Достойно в связи с этим внимания и то, что Уваров рекомендовал императору в 1844 году разрешить западнику Т.Н. Грановскому издавать журнал «Московское обозрение», что было, как известно, отклонено. А приближенный Уварова профессор и цензор А.В. Никитенко по его поручению курировал петербургские западнические журналы «Современник» и «Отечественные записки». Соперничавшие идейно журналы отражали в динамике уваровский политический замысел нацеливать публику «на узнание нашей народности во всех ее различных видах».

Таким образом, погодинский «Москвитянин» при участии славянофилов определенно прикасался к динамическим или конфликтогенным элементам николаевской политической системы, будучи фактически одним из ее важных низовых компонентов. Выход на эту проблему составляет, на наш взгляд, главное научное достижение диссертанта.

В третьей главе исследуется непосредственно борьба славянофилов за популяризацию своих взглядов посредством использования издания М.П. Погодина, роль в этом А.С. Хомякова, значение И.В. Киреевского, значение дефицита профессиональных беллетристов на страницах «Москвитянина». Диссертант заключает, что к 1845 году — моменту окончательного размежевания славянофилов с западниками — первые находились с точки зрения возможностей доступа к читающей публике в равных со вторыми условиях.

Последняя глава отведена собственно идейной борьбе 1840-х гг. вокруг журнала. При этом рассмотрены идейные расхождения между редакцией «Москвитянина» и славянофилами, которые, как отмечает И.М. Лебединцев, не играли существенной роли в деле издания журнала. Иногда мысли и суждения славянофилов и редакции переплетались между собой, то отдаляясь, то сближаясь по своему содержанию.

Представляется уместным для сравнения обратить внимание на роль не принадлежавшего к славянофильскому кружку яркого публициста, раскрывшегося посредством «Москвитянина» в самый тяжелый цензурный период николаевского времени — так называемое «мрачное семилетие» 1848–1855 гг., а именно — почвенника Аполлона Григорьева. В свете его феномена деятельность Погодина как редактора-издателя может потребовать уточнения. Возможно, он во многом в условиях косной и тяжеловесной по ряду объективных причин цензуры сыграл между нею и славянофилами роль своеобразного «амортизатора», замедлив нарастание конфликта между ними и николаевской политической системой.

Высказанные замечания свидетельствуют в пользу научного уровня представленной диссертации. Они имеют характер дополнений или дискуссионных предложений, рассчитаны на перспективу, являются рекомендательными и не снижают ее научные достоинства.

Работа И.М. Лебеяднца является самостоятельным, оригинальным исследованием, полным ценных наблюдений, обладает интересной и впечатляющей научной перспективой. Официальный оппонент рекомендует диссертанту продолжить дальше работу над данной тематикой.

Выводы диссертационной работы обоснованы и логичны. Полученные результаты опубликованы в восьми статьях, из которых четыре — в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, апробированы на шести научных конференциях. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Таким образом, диссертационное исследование Лебеяднца Ивана Михайловича «Взаимоотношения славянофильского кружка и редакции журнала «Москвитянин» в контексте идеологической и политической борьбы николаевского царствования» соответствует требованиям пунктов 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября

2013 г., а ее автор, Лебедев Иван Михайлович, заслуживает присуждения
ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 —
Отечественная история.

Официальный оппонент:
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
XIX в. – начала XX в.
исторического факультета
ФГБОУ ВО Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Шевченко Максим Михайлович

5 апреля 2026 года

Рабочий адрес:

119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.

+7 (495) 939-12-72

E-mail: Shevch_mm@mail.ru

Подпись
М.М. Шевченко
заверяю
С.И. Диренчук